

В 2017 году я издал книгу «Неизвестный Алтай. Наши министры», в которой поведал в том числе и о судьбе Михаила Шатилова, занимавшего в руководимых Петром Дербером антибольшевистских правительствах должности министра без портфеля и министра по туземным делам. А вскоре познакомился с двумя его внуками, проживавшими на Алтае, которые многое о судьбе деда узнали из моей публикации...

Михаил Шатилов родился 4 июня (нового стиля) 1882 года в селе Смоленское нынешнего Алтайского края. Как свидетельствует выписка из метрической книги Одигитриевской церкви села Смоленского Бийского округа Томской епархии о рождении Шатилова (ГАТО, Ф. 10. Оп. 1. Д. 334. Л. 19–19 (об). Рукопись), «родители его города Тюмени мещане Бонифатий Семёнов Шатилов и законная жена Глафира Ефимовна, оба православного вероисповедания».

А в протоколе допроса Михаил называл себя «сыном крестьянина, сельского учителя».

Имеются также не подтверждённые документами сведения, что он являлся потомком одного из декабристов.

В юности Шатилов окончил Томскую духовную семинарию, но в священники не пошёл. С 1906 года обучался на юридическом, два года был слушателем историко-филологического факультета Императорского Томского университета.

Ещё до получения диплома об окончании вуза в июне 1909 года был командирован помощником крестьянского начальника 2-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии. С 29 ноября 1910 года служил в прежней должности на пятом участке в Бийском уезде. А 22 марта 1911 года откомандирован в распоряжение крестьянского начальника Барнаульского уезда, где трудился на пятом участке до 28 апреля 1911 года. Таким образом, два года он вновь прожил на Алтае.

Институт крестьянских начальников был введён в Сибири временным положением 2-го июня 1898 года «для заведывания общественным управлением сельских обывателей, а также для устройства быта этих обывателей и переселенцев и для управления инородцами».

После возвращения в Томск Михаил Шатилов занял место помощника присяжного поверенного округа Омской судебной палаты. Много занимался журналистикой. В 1914–1917 годах редактировал и издавал журнал «Сибирский студент». В начале Февральской революции вступил в партию социал-ре-

волюционеров. В марте – июне и августе – ноябре 1917 года являлся редактором газеты «Голос свободы» и состоял помощником комиссара Временного российского правительства в Томской губернии Бориса Гана.

Участники нелегальной Сибирской областной думы, собравшиеся в Томске в ночь на 9 февраля 1918 года, избрали Михаила Шатилова в состав Временного правительства автономной Сибири в качестве министра без портфеля. Но он об этом не знал. Вместе с другими депутатами Сибирской областной думы его накануне арестовали по постановлению Совета рабочих и красноармейских депутатов и заключили в красноярскую тюрьму. Через неделю освободили, он перешёл на нелегальное положение.

В июне 1918 года Шатилова избрали министром без портфеля во Временном сибирском правительстве. В том же месяце Шатилов вошёл в состав этого правительства в качестве министра по туземным делам. В его компетенцию входила работа с аборигенным населением Сибири. Подобное министерство создавалось впервые в истории государственного строительства России. Неприязненное отношение коллег к министру туземных дел было связано с тем, что, будучи единственным эсером в правительстве, он вызывал неприязнь со стороны правой его части. Большинство проектов решений правительства, не говоря уж о министерских, он согласовывал с товарищами по партии, что не могло не раздражать других министров.

В ночь на 21 сентября 1918 года Шатилов вместе с Крутовским, Новосёловым, Якушевым по распоряжению деятелей Административного совета Временного сибирского правительства был арестован и подал прошение об отставке под угрозой расстрела.

Декабрь 1918 и почти весь 1919 год он являлся уполномоченным Сибирского союза земств и городов (Сибземгора). Затем до 1922 года включительно работал научным сотрудником кафедры «Туземное право и быт» Томского университета. Трижды, в 1920, 1921 и 1931 годах, подвергался арестам, но до отсидки дело не доходило. В декабре 1923 года опубликовал в томской газете «Красное знамя» покаянное письмо, сообщив, что «фактически выбыл из партии соц.-рев. в конце 1919 года», «пришёл к разочарованию в политической деятельности и к состоянию пассивности».

Свыше десяти лет Михаил Бонифатьевич возглавлял Томский краевой музей, внёс значительный вклад в научную организацию его работы. Шатилов проявил себя здесь и как учёный-этнограф. В 1924 и 1926 годах провёл этнографические экспедиции в Нарымском крае и на реке Вах, откуда привёз селькупские, эвенкийские и хантыйские бытовые предметы. Обобщённый этнографический материал лёг в основу монографии «Ваховские остяки». В конце 1920-х годов он настойчиво изучал жизнь и быт русского населения в бассейнах рек Чулым и Шегарка, собрал обширные коллекции для Томского краеведческого музея, являлся активным членом Общества изучения Томского края при музее.

В апреле 1933 года Михаила Шатилова обвинили в участии в противоправной деятельности по сфабрикованному делу о «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации». 5 августа 1933 года он был приговорён коллегией ОГПУ СССР «на 10 лет без права переписки». Наказание

отбывал на Соловках. А спустя четыре года его отозвали в Ленинград, где 25 ноября 1937 года Шатилова приговорили к расстрелу, который состоялся 12 декабря 1937 года.

На Алтае имя Михаила Бонифатьевича до недавнего времени было совершенно забыто, а в Томском областном краеведческом музее ежегодно проводятся Шатиловские чтения. К тому же он носит имя уроженца Алтая. 26 сентября 2012 года на здании музея открыта мемориальная доска, посвящённая Шатилову.

Томский писатель Владимир Крюков, опубликовавший в 1992 году в № 5 журнала «Северо-Восток» статью «Судьба Михаила Шатилова», вскоре получил письмо от внучки бывшего министра туземных дел, жительницы Новокузнецка Натальи Михайловны Дёминой. Она сообщала, что её бабушка (вдова Михаила Шатилова) Ольга Александровна с детьми – Галиной (её мамой) и сыном Игорем после ареста Михаила Бонифатьевича уехала в Сталинск (Новокузнецк). Бабушка умерла в 1967 году, мать – в 1987-м. Все Шатиловы-Дёмины получили высшее образование.

А сын Шатилова – Игорь Михайлович – по профессии геолог, умер в возрасте 40 лет в Новоалтайске. В его семье росли три дочери: Ольга, Ирина и Людмила. Все они позже имели сыновей.

Таким образом, одна из генеалогических линий Михаила Бонифатьевича всё же тянется на родной для него Алтай. Но сколько я ни пытался разыскать в Новоалтайске потомков министра Шатилова, мне это не удавалось. И хотя люди с такой фамилией проживают в этом городе, я понимал, что его внучки, скорей всего, выйдя замуж, сменили фамилии.

Развязка наступила неожиданно. Спустя какое-то время после выхода моей книги «Неизвестный Алтай. Наши министры» мне позвонила Татьяна Копылова, заведующая отделом краеведения Новоалтайской городской библиотеки имени Леонида Мерзликина, и заинтриговала:

– Хочу познакомить вас с потомком одного из министров, о котором вы рассказали в своей книге, – заявила она. – Причём она работает в нашем коллективе...

Должен сказать, что коллектив новоалтайской библиотеки я знаю, поскольку там не раз проводились мои встречи с читателями. Нетрудно догадаться, что вскоре я беседовал аж с двумя внучками Михаила Шатилова – библиотекарем Ольгой Копытиной и её сестрой, бывшей учительницей Людмилой Петинной.

Они поведали мне, что их отец Игорь Михайлович, как сын «врага народа» был исключён из университета, и после окончания техникума направлен в город Чесноковку (с 1962 года – Новоалтайск). Работал прорабом, инженером в строительном управлении № 20. Весь отдавался работе, но в партию его не принимали. Дети поныне хорошо помнят общественное напряжение в отношении их родителей и их самих. Ничего, казалось бы, существенного, но семья Шатиловых, по представлениям окружающих, чем-то выделялась. Например, тем, что построила хороший дом (что не удивительно, поскольку хозяин был строителем), приобрела первой на улице телевизор, который при-

ходили смотреть соседи. Не растопило лёд недоверия даже то, что Шатилов стал «мотором» в строительстве общественного колодца для жителей улицы. Игорь Михайлович погиб в результате производственной травмы, упав со строительных лесов. Его дочерям в ту пору было от четырёх до 12 лет. Поэтому младшая из них – Ольга – помнит лишь похороны отца, и смутно – его облик. Но их мать сумела одна поднять трёх дочерей, дать им хорошее воспитание и образование.

Свекровь матери Ольга Александровна, вдова бывшего министра, жила в семье дочери Галины в Новокузнецке. Поначалу Ольга Александровна неприязненно относилась к снохе, происходившей из простой семьи из Смоленской области, попавшей в годы войны в оккупацию и чудом избежавшей отправки в Германию. Но затем, после гибели сына, смягчилась к ней. Однако никогда не рассказывала внукам о судьбе их деда. Лишь твердила: «Это – личное. Это – в памяти». Потом замолкала и принималась курить папиросу...

В их новокузнецкой квартире, между прочим, хранилась картина известного алтайского художника Григория Гуркина, вероятно, подаренная Михаилу Шатилову. Судьба этого произведения алтайским родственникам неизвестна. Им от отца остались лишь старые фотографии первой половины прошлого века.